

УДК [316.65]

Д. В. Прошин

канд. ист. наук, доц.,
Днепропетровский университет им. Альфреда Нобеля,
кафедра политологии, социологии и гуманитарных наук,
к. 3405, ул. Наб. Ленина, 18, г. Днепропетровск, 49000, Украина
тел: 067–561–38–19, e-mail: bishop.74@mail.ru

ТЕРРОРИСТ-ОДИНОЧКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению феномена террориста-одиночки. Автор утверждает, что в отличие от террористических группировок, которые при всей их оппортунистичности «нормальной» политике все же могут рассматриваться как специфические политические субъекты, одиночки в процессе своей преступной деятельности утрачивают политическую субъектность, саморазрушаются как политические субъекты.

Ключевые слова: терроризм, террорист-одиночка, политический субъект.

«Являются ли политическими субъектами террористы и их объединения?» — этот вопрос часто дискутируется специалистами-террологами. Можно ли ответить утвердительно, помня о безусловной внеположности акторов терроризма по отношению к «нормальной» политике? Быть может, учитывая эту антитетичность, было бы правильно рассматривать террористов как «инородное тело», разрушающее саму систему политического общения со всеми свойственными ей субъектами? Доминирующее в террологических кругах мнение, однако, состоит в том, что после необходимых оговорок за акторами терроризма следует признать специфическую политическую субъектность. Это вполне оправданно в случае террористических группировок, четко локализуемых в рамках политических конфликтов, опирающихся на сравнительно широкую и стабильную конституентную базу и связанных (гораздо чаще и теснее, чем может казаться поверхностному зрителю) с политическими партиями, участвующими в «нормальной» политике. Но распространение подобной оценки на стоящих особняком террористов-одиночек, как мы полагаем, было бы ошибочным.

За последние десять-пятнадцать лет целый ряд стран (США, Израиль, Нидерланды, Норвегия) стал местом террористических актов, осуществленных одиночками, что послужило основанием для прозвучавших на самом высоком уровне заявлений о чрезвычайной опасности этой разновидности терроризма. В 2011 г. президент Б. Обама заявил: «В настоящее время предмет нашего наибольшего беспокойства — это не опасность крупной террористической операции... Что сейчас беспокоит нас сильнее всего, так это террорист-одиночка, некто... способный устроить большое кровопролитие» [1].

Понять природу этой опасности и дать оценку ее носителям — задача как нельзя более своевременная. Данная статья — один из шагов в указанном направлении. Итак, почему террористу-одиночке должно быть отведено в политической субъектности?

Параллельно числу и смертоносности актов одиночного терроризма растет и количество исследований в данной области [2, 3, 4, 5, 6, 7]. Вместе с тем большая их часть носит скорее описательный (местами даже психолого-криминологический), чем политико-аналитический характер, и во всяком случае в них не уделяется первоочередного внимания поставленному здесь вопросу. Некоторые примеры террористических актов, совершенных одиночками, рассматриваются в обширных исследованиях, посвященных истории терроризма и политических убийств [8, 9], однако в этих широких исторических обзорах тем более теряется из виду интересующая нас проблема.

Вместе с тем именно в исторической плоскости находится отправная точка для наших дальнейших рассуждений. Первые (и весьма внушительные) примеры одиночного терроризма относятся к концу XIX в. (Дж. Пасананте, О. Вальян, Э. Анри, С. Казерио, Г. Бреши, Л. Чолгош и т. д.), и уже тогда хотя бы частично обозначились те особенности данной разновидности политического насилия, которые привлекают наше внимание сегодня. Однако последующий ход событий сделал террористические группы главным, если не единственным, актором терроризма и на длительное время заслонил фигуру террориста-одиночки. Таким образом, в наши дни мы являемся свидетелями не столько беспрецедентного, сколько уже неоднократно наблюдавшегося ранее, но основательно забытого явления. В связи с этим возникает дополнительный вопрос о возможности циклической активизации террористов-одиночек (о приходе их нового «поколения») и о природе этой цикличности. Вопрос этот, впрочем, остается за рамками поставленной здесь задачи.

На счету действовавших в разное время террористов-одиночек (сейчас террологи называют их «одинокими волками») жизни президентов Франции и США (имеется в виду У. Мак-Кинли, убитый анархистом Чолгошем в 1901 г. Убийство Дж. Кеннеди, официально признанное делом рук одиночки, но до сих пор остающееся (как и нераскрытое убийство шведского премьера У. Пальме) поводом для конспирологических гипотез, здесь не учитывается), премьер-министров Испании и Израиля, австрийской императрицы и короля Италии и на несколько порядков большее число жизней рядовых граждан. Действия этих террористов становились причиной массовых разрушений и масштабных расследований (поиски террориста-одиночки Т. Качинского (Унабомбера) длились с 1978 по 1996 г. и стали одним из самых дорогостоящих федеральных расследований в истории) США и служили поводом для принятия жестких законодательных мер («Чрезвычайные законы против социалистов» были приняты в Германии в 1878 г. после двух неудачных анархистских покушений на императора Вильгельма I. Пятнадцатью годами позже взрывы бомб французских анархистов О. Вальяна и Э. Анри стали поводом для принятия т. н. «зло-

дейских законов», ограничивавших свободу слова в Третьей республике). Защитная речь анархиста Э. Анри, в парижском кафе «Терминус» совершившего один из первых террористических актов, направленных против случайных людей, вошла в «канон» воинствующего анархизма («Невинных буржуа не бывает»). Бомбист-одиночка Т. Качинский (Унабомбер) в ультимативной форме потребовал от ведущих американских изданий опубликовать его анархо-примитивистский манифест и получил согласие «The New York Times» и «The Washington Post». Имя Качинского, своими почтовыми бомбами убившего троих человек, ранившего двадцать три и к тому времени уже арестованного ФБР, в 1996 г. было использовано организаторами альтернативной избирательной кампании «Унабомбера в президенты!». Наконец, самый известный и кровавый террорист-одиночка последних лет А. Брейвик (77 человек убито и 319 ранено) непосредственно перед спланированным им двойным терактом разослал свой «тамплиерский» манифест через Интернет, надеясь гальванизировать хотя бы часть своих семи тысяч виртуальных «друзей-патриотов» [10].

Не достаточно ли этого для признания террористов-одиночек потенциально весьма влиятельными политическими субъектами? Даже если «одинокый волк» не обладает той силой, которая позволяла или позволяет террористическим группам оказывать давление на противника, влиять на общественное мнение и в отдельных случаях хотя бы частично добиваться поставленных целей (урегулирование ольстерского конфликта в конце 1990-х — начале 2000-х гг. стало возможным благодаря компромиссу между британской и ирландской сторонами, и эта последняя не в последнюю очередь была представлена ИРА и ее политическим крылом «Шинн Фейн»), он все равно (особенно в современных условиях) имеет немало возможностей «донести свою мысль» («Нам нужна была гора трупов, чтобы донести свою мысль» — это слова Т. Маквея, который (с незначительной помощью второстепенных сообщников) в 1995 г. подготовил и осуществил самый масштабный на тот момент теракт на территории США (Оклахома-Сити, 168 убитых и 680 раненых) [цит. по: 11, 139]. Более того, как бы шокирующее это ни звучало, не должны ли мы трактовать теракт «одинокого волка» как разрушительный, уродливый аналог некоего законного политического акта, совершенного добропорядочным гражданином (безоговорочно признаваемым нами одним из ключевых политических субъектов, несмотря на его более чем скромные возможности)? Ведь те, кто признает политическую субъектность террористических группировок, видят в их подпольной деятельности именно нелегальный аналог институционализированной политической борьбы, а точнее — искаженное отражение, теневое продолжение ее, дополнение к ней.

Однако такие аналогии поверхностны и по сути своей некорректны. Решающее отличие между террористическими группировками и «волками-одиночками» состоит в том, что последние недолговечны и неспособны «конвертировать» создаваемые ими страх и напряжение в устойчивое политическое влияние. Одиночка по определению не имеет значительной конституентной базы и выхода на уровень институционализированной по-

литики, которыми располагали или располагают наиболее влиятельные террористические группы (например, ИРА, ЭТА, «Хамас», «Хезболла»). Краткосрочные, при всей возможной их катастрофичности, последствия ударов, нанесенных одиночкой; его инфернальная «слава»; его подражатели или те, кто готов даже ценой собственной жизни отплатить за его незавидную участь (Безусловно, впечатляет череда терактов, осуществленных одиночками в конце XIX — начале XX в. и связанных подражанием или желанием отомстить властям за казнь предшествовавшего террориста. В 1893 г. О. Вальян взрывает бомбу, чтобы отплатить за казнь анархиста Равашолья. В 1894 г. Э. Анри бросает бомбу в знак солидарности с уже казненным Вальяном. В том же году С. Казерио убивает президента Франции С. Карно, отказавшегося помиловать Анри. В 1901 г. Л. Чолгош убивает президента У. Мак-Кинли, находясь под впечатлением от недавнего убийства итальянского короля Умберто I, и т. д.); превращение его имени в имя нарицательное, в лозунг или боевой клич — все это далеко не равнозначно подлинной включенности в политическую жизнь.

Подчеркнем, кстати, что готовность одиночки прибегать к самым радикальным методам, выбирая в качестве жертв случайных граждан и стремясь вызвать как можно больше смертей и разрушений, объясняется все той же его недолговечностью, неспособностью развернуть планомерную кампанию, в ходе которой, в соответствии с логикой «войны», удары распределялись бы между целями разного характера. И, как показывает опыт, среди этих целей символические могли бы занять отнюдь не первое место (к примеру, ИРА на протяжении более чем тридцати лет неоднократно меняла направленность своих действий (британские военнослужащие; представители бизнеса, поддерживавшие контакты с Великобританией; члены британского парламента, правительства и королевской семьи). «Одинокий волк» не рассчитывает навязать властям «войну на истощение», атакуя казармы, блокпосты, полицейские участки, экономические объекты и пр. Практически единственное, что он в состоянии сделать, — это одним или немногими предельно болезненными ударами заявить о себе. Сказанное не означает, что террористические группы не могут избрать такую же тактику, но все же до сравнительно недавнего времени большинство из них регулярно демонстрировало относительную сдержанность и даже своего рода «благоразумие» и «благородство» при планировании и проведении своих акций (ИРА и ЭТА, к примеру, часто оповещали власти о готовящемся взрыве, давая возможность эвакуировать людей). Это объясняется наличием в деятельности многих террористических группировок особого политического измерения (рядовые симпатизанты, политические союзники, партийные «надстройки»), в котором полная неразборчивость в средствах и кровожадность группировки могли бы неблагоприятно отразиться на ее репутации и влиянии. П. Нойман указывает, что даже руководство «Аль-Каиды», прямо или косвенно причастное к самым кровопролитным террористическим актам в истории, было вынуждено в 2007 г. вступить в дискуссию с участниками одного из исламистских Интернет-форумов, обвинявших «Аль-Каиду» в готовности убивать не только «неверных», но и

мусульман [11, 132]. Действия террориста-одиночки подобных сдержек не имеют. Он волен, снова цитируем Т. Маквея, громоздить «горы трупов», чтобы его «донести свою мысль».

Однако политическая субъектность не тождественна сумме социально-политических, экономических, психологических и пр. последствий того или иного изолированного акта, сколь драматичным бы он ни был. Субъектность — это способность *участвовать* в политическом процессе, а не только вторгаться в него *точечными выпадами*, разрушающими как существующий общественный порядок, так и того, кто этот выпад совершает. Даже если проводить рискованную параллель между законопослушным гражданином и террористом-одиночкой, то и в этом случае обнаружится существенная разница. Пусть и уступая на несколько порядков по своему влиянию крупным политическим субъектам, гражданин на протяжении всей жизни сохраняет свои политические права, свою способность к политической активности — способность, которая в конечном итоге может реализоваться в осязаемых политических результатах. Террорист-одиночка в подавляющем большинстве случаев лишает себя каких бы то ни было политических перспектив в тот самый момент, когда совершает свой насильственный акт.

Объективности ради следует отметить наличие довольно обширной «серой зоны», лежащей между крупными и политически влиятельными террористическими группировками, с одной стороны, и «одинокими волками» — с другой. В этой зоне находятся различные ячейки «децентрализованного сопротивления» [3]; экстремистские организации, построенные по сетевому принципу, в которых отдельные группы-звенья ничем не связаны друг с другом, кроме общей идеологии (например, экотеррористический «Фронт освобождения Земли» [12]); наконец, даже куда более устойчивые, жестко-иерархичные организации, возникшие, однако, на почве диффузных идеолого-политических конфликтов и ведущие, подобно загнанной на десятилетия в глубокое подполье западногерманской РАФ, свои безнадежные войны «шести против шестидесяти миллионов». Эти формирования также демонстрируют минимальный уровень политического влияния и в массе своей стремятся к той грани, за которой начинается политическая «несубъектность». Но и здесь ощущается куда больший политический вес по сравнению с саморазрушительными всплесками одиночного терроризма. Даже слабые очаги «децентрализованного сопротивления» или аморфные экстремистские «сети» обладают некоторым запасом прочности, позволяющим им *действовать сравнительно долгое время*. Даже если группа радикалов дистанцируется от широкого протестного движения, «инкапсулируется», чтобы, объявив себя истинным «авангардом», начать бескомпромиссную борьбу с «системой», она сохраняет хотя бы остаточные связи с окружающей средой, не говоря уже о том, что смерть, как, впрочем, и арест, означают для террориста-одиночки конец какой бы то ни было политической активности, тогда как и сравнительно немногочисленная группа, будучи ослабленной арестами, может продолжать свои действия. Более того, казненный или отбывающий тюремный

срок «одинокій волк» лише с некоторой вероятністю може стати прикладом для таких же, як і він, обречених одиночек; арестованні ж члени терористическої групи (в особеності якщо це представителі її «історического ядра»), як правило, стаються «мучениками» і образцями для їх оставшихся на свободі собратів. Так, політическе впливє РАФ не тільки не ослабело, но даже возросло, когдє її керівителі оказались в тюрмі. Нечто подобное наблюдалось и в случае арестованных вожаков итальянских «Красных бригад».

Итак, практически полная добровольная изоляция от окружающей общественной среды; отсутствие возможности — за исключением провоцируемого кратковременного шока — сколько-нибудь влиять на политические процессы; неизбежное скорое саморазрушение, окончательное выбывание из сферы политического общения — таковы причины, которыми, по нашему мнению, обусловлена политическая «несубъектность» террористов-одиночек. Мы начали с вопроса о том, не следует ли видеть во всяком акторе терроризма «инородное тело», разрушающее политическую систему, несущее в себе ее полное отрицание. Именно такой оценки заслуживают «одинокіе волки». В ходе предшествующих рассуждений была рассмотрена и отброшена аналогия между террористом-одиночкой и добропорядочным гражданином. Уместнее, думается, будет сравнить террориста-одиночку с убежденным абсентеистом. В обоих случаях происходит саморазрушение политического субъекта — конечно же, с той принципиальной разницей, что в случае «одинокого волка» это саморазрушение практически бесповоротно и чревато трагическими последствиями для тех, нормальное политическое общение с которыми террорист-одиночка прекращает, доверяя взрывному устройству или пулям «донести его мысль».

Увы, с большой долей вероятности можно утверждать, что в недалеком будущем «одинокіе волки» еще не раз напомнят о себе. Следовательно, изучение этой породы террористов не скоро будет снято с повестки дня.

Список использованной литературы

1. Obama: «Lone Wolf» Attack is Biggest Concern [Electronic resource] / A. Madhani // National Security. — 2011. — Aug. 16. — Access mode: <http://www.nationaljournal.com/white-house/obama-lone-wolf-attack-is-biggest-concern-20110816>
2. Chase A. A Mind for Murder: The Education of Unabomber and the Origins of Modern Terrorism / A. Chase. — N. Y.: W. W. Norton & Compny, 2003. — 437 p.
3. Michael G. Lone Wolf Terror and the Rise of Leaderless Resistance / G. Michael. — Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. — 254 p.
4. Simon J. Lone Wolf Terrorism: Understanding the Growing Threat / J. Simon. — N. Y.: Prometheus Books, 2013. — 335 p.
5. Spaaij R. Understanding Lone Wolf Terrorism: Global Patterns, Motivations and Prevention / R. Spaaij. — Dordrecht: Springer, 2012. — 119 p.
6. Turchie T. Hunting the American Terrorist: The FBI's War on Homegrown Terror / T. Turchie. — Palisades, N. Y.: History Publishing Compay, 2007. — 294 p.
7. Vollers M. Lone Wolf: Eric Rudolph and the Legacy of American Terror / M. Vollers. — N. Y.: HarperCollins Publishers, 2006. — 356 p.
8. Burleigh M. Blood and Rage: A Cultural History of Terrorism / M. Burleigh. — N. Y.: HarperCollins Publishers, 2009. — 577 p.

9. Ford F. Political Murder: From Tyrannicide to Terrorism / F. Ford. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. — 440 p.
10. Breivik's Manifesto: 2083 — A European Declaration of Independence — About the Compendium — 2083 [Electronic resource] — Access mode: <http://www.breiviksmanifesto.com/about-the-compendium>
11. Neumann P. Old and New Terrorism: Late Modernity, Globalization and the Transformation of Political Violence / P. Neumann. — Cambridge: Polity Press, 2009. — 218 p.
12. Pickering L. Earth Liberation Front, 1997-2002 / L. Pickering. — Portland: Arissa Media Group. 2007. — 234 p.

Стаття поступила в редакцію 15.05.2013

Д. В. Прошин

Дніпропетровський університет економіки та права,
к. 3405, вул. Наб. Леніна, 18, Дніпропетровськ, 49000, Україна
Тел: 067-561-38-19, e-mail: bishop.74@mail.ru

ТЕРОРИСТ-ОДИНОЧКА: РУЙНУВАННЯ ПОЛІТИЧНОГО СУБ'ЄКТА

Резюме

Статтю присвячено розгляду феномена терориста-одиночки. Автор стверджує, що на відміну від терористичних угруповань, які, незважаючи на їх опортуністичність владі, усе ж таки можуть сприйматися як специфічні політичні суб'єкти, одиночки ж у процесі своєї злочинної діяльності втрачають політичну суб'єктність, саморуйнуються як політичні суб'єкти.

Ключові слова: тероризм, терорист-одиночка, політичний суб'єкт.

D. V. Proshin

Dnipropetrovsk Alfred Nobel University,
room 3405, Naberezhna Lenina Str, 18, Dnipropetrovsk, 49000, Ukraine
f. 067-561-38-19, e-mail: bishop.74@mail.ru

LONE WOLF TERRORIST: DESTRUCTION OF A POLITICAL SUBJECT

Summary

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of a lone wolf terrorist. Author argues that, in contrast to terrorist groups which, notwithstanding their antithesiscity to «normal» politics, can be viewed as specific political subjects, lone wolf terrorists in the course of their criminal activity lose their political subjectivity, destroy themselves as political subjects.

Key words: terrorism, lone wolf terrorist, political subject.